

Никита Никитин

**Где однажды
позовёт море, там
заканчивается
ДОЖДЬ**

Никита Никитин

**Где однажды позовёт море,
там заканчивается дождь**

«Автор»

2026

Никитин Н.

Где однажды позовёт море, там заканчивается дождь /
Н. Никитин — «Автор», 2026

Марк бежал от прошлого, когда под бесконечным осенним дождём поднялся на борт старой шхуны «Гнилая Вдова». Он не искал ни приключений, ни любви — только хотел исчезнуть. Но море не терпит пустых сердец. Оно подбрасывает ему людей, которые становятся ближе родных, и девушку, ради которой он готов остаться. Айла — дочь капитана, выросшая на палубе. Она знает море лучше, чем себя, и не верит тем, кто приходит с берега. Но чем дальше уходит корабль, тем труднее ей держать дистанцию. Их история — это не роман о счастливом плавании. Это путь сквозь шторма, холод, одиночество и страх. Путь, на котором один неверный шаг может стоить всего. «Где однажды позовёт море, там заканчивается дождь» — книга о том, что любовь не всегда спасает. Иногда она остаётся только светом далёкого маяка — тем, что помогает другому доплыть, даже если сам ты уже ушёл на дно.

© Никитин Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Соль на ветру	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Никита Никитин

Где однажды позовёт море, там заканчивается дождь

Предисловие

Иногда человек уходит в море не за славой и не за золотом. Он просто больше не может оставаться на берегу. Так начинаются многие истории, и эта — одна из них.

Эта книга — о дожде, который не кончается, о корабле, который не прощает слабости, и о людях, у которых нет ничего, кроме надежды. О том, как чужой свет может стать своим, как любовь приходит не громко, а тихо, как шёпот под килем, и как море даёт человеку всё, чтобы потом отнять самое дорогое.

Здесь нет героев без страха. Здесь нет счастливых карт, по которым легко идти. Но здесь есть настоящая дорога — мокрая, холодная, опасная. И человек, который однажды решил по ней пойти.

Эта книга написана не ради ответов. Она — как маяк. Просто светит. А куда идти — решает тот, кто смотрит в темноту.

Дорогой читатель,

Если ты держишь эту книгу в руках, значит, за окном, скорее всего, шумит дождь. Или скоро пойдёт. И это — лучшее время.

Читай её не спеша. Под старым пледом, с кружкой горячего отвара или чая. Пусть за окном барабанит осень, пусть ветер гнёт голые ветки, а в комнате будет тихо и сумрачно. Не зажигай слишком яркий свет. Пусть останется только лампа — как на маяке.

Эта история пахнет солью, мокрым деревом и холодным морем. Она не любит суеты. Она любит, когда читатель остаётся наедине с собой, с дождём и с тишиной. Тогда слова ложатся глубже. Тогда слышно то, что между строк.

Не торопись. Дай этой книге время.

И, может быть, однажды, когда море позовёт тебя, ты тоже поймёшь, где заканчивается дождь.

Глава 1. Соль на ветру

Окраина портового города встретила его запахом гниющих водорослей, мокрой золы и сырого камня. Дождь моросил с самого утра — мелкий, почти невидимый, но вездесущий. Он пропитал одежду, забрался за шиворот, скопился в трещинах мостовой и стекал в море вместе с грязью и чьими-то несбывшимися надеждами. Марк ступил на шаткий трап, и доски под ним прогнулись, заскрипели, будто жаловались на судьбу — так же, как и он сам пару недель назад.

В кармане позвякивали последние монеты. За спиной, в серой дымке, растворилась жизнь, из которой он сбежал, не оставив даже записки. А впереди, в мутной пелене дождя, покачивалась на волнах старая двухмачтовая шхуна с тёмным корпусом и облезшим названием на носу — «Гнилая Вдова». Будто сама смерть дала ей имя.

Он нанялся туда юнгой. Капитан, седой и прокуренный, с лицом, будто вырезанным из старого дуба, окинул его взглядом, каким смотрят на утопленника, случайно выброшенного прибоем, и буркнул:

— Руки есть. Голова вроде на месте. Остальное — в море проверим.

И вот теперь Марк стоял на носу, вцепившись онемевшими пальцами в мокрый поручень, и смотрел, как порт медленно тонет в свинцовой мгле. Чайки кричали где-то в вышине, невидимые за пеленой. Дождь всё не унимался. Он стучал по палубе, по плечам, по капюшону, и в этом стуке не было ни ритма, ни утешения — только бесконечная, унылая дробь.

Марк не знал, что ждёт его за горизонтом, но точно знал: назад дороги нет. Только вперёд. В дождь. В холод. В неизвестность.

Дождь не прекращался, но Марк вдруг поймал себя на мысли, что ему это нравится. Нет, не сам дождь — а то, как капли барабнят по капюшону, как ветер бросает в лицо солёные брызги, как «Гнилая Вдова» скрипит и стонет под ногами, словно живое существо. Ему казалось, что он больше не беглец, а герой тёмного романа, которого судьба вышвырнула в открытое море, чтобы проверить на прочность. Он даже выпрямился, расправил плечи и вдохнул сырой, пахнувший йодом воздух — как глоток новой жизни.

На палубе появился боцман — здоровенный детина с обветренным лицом и руками, похожими на корабельные канаты. Звали его Брон. Он хлопнул Марка по спине так, что тот едва не перелетел через борт.

— Чего стоишь, как чайка на мели? Ступай вниз, кок кличет! — рявкнул он, но в голосе не было злости. Так, обычная корабельная строгость.

В тесном камбузе, где пахло прогорклым жиром и луком, у котла колдовал низенький, круглый, как бочонок, человек с редкой рыжей бородкой. Это был кок, но вся команда звала его просто Дядюшка. Он мешал в котле что-то тёмное и густое, тихо напевая песню про девушку, которая ждёт моряка на берегу.

— А, новенький, — улыбнулся он, и глаза его блеснули в полумраке. — Есть хочешь? Здесь, конечно, не харчевня, но от цинги не помрёшь.

Марк кивнул, принимая миску горячего варева, и вдруг почувствовал почти забытое тепло — не от еды, а от того, что с ним заговорили по-человечески.

Позже, уже под вечер, когда дождь наконец превратился в сплошную водяную стену, Марк познакомился с юнгой по имени Эйко. Тот был младше года на два, худой, с вечно расчёпанными чёрными волосами и шрамом над бровью. Эйко сидел на бочке у мачты, затачивая нож, и смотрел на Марка с любопытством.

— Первый раз в море? — спросил он, не поднимая глаз.

— Первый.

— Ничего, привыкнешь. Либо море тебя принимает, либо выбрасывает. Третьего не дано.

Марк усмехнулся и сел рядом. Где-то внизу, под палубой, тихо играла губная гармошка. Дождь стучал по парусине, смывая с палубы грязь прошлого. И Марк впервые за долгое время подумал, что, возможно, всё, что с ним случилось, было не бегством, а началом чего-то большего.

Он уже собирался спуститься вниз, когда услышал за спиной лёгкие шаги. Обернулся.

По мокрой палубе, не обращая внимания на дождь, шла девушка. Лет восемнадцати, не больше. Тёмные волосы, собранные в небрежный узел, лицо бледное, с острыми чертами, а глаза — серые, как осеннее море. Одета она была просто: тёмный плащ, высокие сапоги, на поясе — узкий кинжал в потёртых ножнах.

Она прошла мимо, даже не взглянув на Марка, и скрылась за дверью капитанской каюты.

Эйко, заметив его взгляд, тихо сказал:

— Это Айла. Дочь капитана.

— Она тоже в море? — спросил Марк, всё ещё глядя на закрытую дверь.

— В море? — Эйко усмехнулся и спрятал нож в ножны. — Она выросла на этой посудине. Море для неё — дом. И если капитан когда-нибудь сгинет за горизонтом, корабль перейдёт к ней. Так что смотри не прогневай её.

Дождь застучал сильнее, и Марк, поёжившись, наконец спустился вниз. Но лицо Айлы ещё долго стояло у него перед глазами — бледное, спокойное, с холодным, как сталь, взглядом. И впервые за весь этот бесконечный дождливый день он подумал, что на этом корабле его ждут не только бури.

Ночь опустилась на море быстро, как тяжёлая мокрая занавесь. Дождь то затихал, то снова начинал накрапывать, и в этой зыбкой тишине слышно было, как поскрипывают снасти и где-то внизу, в трюме, тихо переругиваются матросы за партией в кости.

Марк лежал в подвесной койке, уставившись в низкий потолок, по которому ползли капли. Сон не шёл. В голове крутилось всё разом: лицо Айлы, слова Эйко, запах гниющих веревок, мерный скрип дерева. Всё это сплеталось в странную, тревожную мелодию.

Ему вдруг показалось, что корабль — не просто дерево и паруса, а живое, дышащее существо. Он двигался, как спящий зверь, вздрагивал под ударами волн, скрипел суставами и шептал что-то на языке старого дерева. Марк поймал себя на том, что улыбается. «Вот она, настоящая жизнь», — подумал он и, сам того не заметив, провалился в сон.

Разбудил его грубый окрик Брона:

— Подъём! Шевелись! Ветер свежее, надо бросать паруса!

Марк вскочил, едва не вывалившись из койки. Вокруг уже суетились матросы: кто-то натягивал сапоги, кто-то, ругаясь вполголоса, искал шапку, кто-то торопливо крестился. Свет проникал через мокрые иллюминаторы, серый и холодный.

На палубе оказалось ещё холоднее, чем внизу. Ветер рвал из рук снасти, дождь хлестал по лицу мелкими ледяными иглами. Небо нависало так низко, что, казалось, до него можно дотянуться рукой. Волны били в борт с глухим, угрожающим рокотом.

Марк работал наравне со всеми, стараясь не думать, что в любой момент его может смыть за борт. Руки быстро покрылись мозолями, плечи ныли, но он не жаловался. Наоборот — в этом было что-то пьянящее. Борьба. Жизнь. Настоящая, без прикрас.

В какой-то момент он оказался рядом с Айлой. Она стояла у грот-мачты, мокрая насквозь, и спокойно, даже буднично, затягивала узел, который матросы не могли одолеть уже несколько минут. Руки у неё были точные, быстрые, как у человека, который делает это с детства.

— Чего уставился? — сказала она, не оборачиваясь. — Держи канат. Или думаешь, морская романтика сама тебя накормит?

Марк взял канат, чувствуя, как от её голоса по спине пробежал холодок. Она была резкой, но в этой резкости не было злобы — только привычка к делу.

— Я не думаю, что романтика меня накормит, — ответил он, перекрикивая ветер. — Но, может, хотя бы согреет.

Айла на секунду замерла. Потом фыркнула — не то усмехнулась, не то покачала головой.

— На этом корабле согревает только работа, — бросила она и ушла на корму.

А Марк остался стоять с канатом в руках, чувствуя, как сердце колотится быстрее, чем требует тяжёлая работа.

К вечеру шторм утих. Дождь продолжался, но теперь он лил ровно, почти ласково. Команда собралась внизу, в тесном кубрике, и Дядюшка разлил всем по кружке горячего травяного отвара, в который, как шепнули Марку, он добавляет по капле рома «для крепости духа». Отвар пах дымом и чем-то сладковатым, но пился легко.

Эйко сидел рядом и рассказывал про дальние острова:

— Говорят, там земля чёрная, как уголь, а деревья выше, чем три мачты. И дождь не холодный, а тёплый, как слёзы. Люди там ходят в венках из цветов и не знают, что такое зима.

— Врёшь, — усмехнулся кто-то из матросов.

— Может, и вру, — спокойно ответил Эйко. — Но если не верить в дальние острова, зачем вообще уходить в море?

Марк смотрел на его худое, обветренное лицо, на шрам над бровью, на блестящие глаза, и думал о том, что вот он — человек, у которого ничего нет, кроме веры. И эта вера заражала.

Поздно ночью, когда все уснули, Марк вышел на палубу. Дождь наконец прекратился, и в разрывах облаков на миг показалась луна — бледная, словно вырезанная из старого серебра. Корабль мирно покачивался на волнах.

Он стоял у борта и смотрел в темноту, за которой угадывался горизонт. Где-то там, за этой чернотой, — то, ради чего он сбежал. Может, приключение. Может, погибель. Но теперь это уже не имело значения. Он был в пути. И впервые за долгое время почувствовал, что живёт по-настоящему.

И вдруг — далеко-далеко, на самой грани видимого, — вспыхнул свет. Раз. Другой. Третий. Маяк.

Марк замер, вглядываясь в эту одинокую огненную точку. Она мерцала в темноте, как биение чьего-то сердца. И вместе с ней внутри что-то отозвалось — тихо, но настойчиво. Он вдруг остро почувствовал: вот оно. То место, куда его тянет. Сам не зная почему, он стоял и смотрел на этот огонь, пока холод не пробрал до костей.

Утром он уже знал, что должен сойти на берег. Не потому, что испугался моря. Не потому, что работа оказалась слишком тяжёлой. А потому, что понял: он не может оставаться на «Гнилой Вдове» рядом с Айлой.

Он влюбился. Это случилось незаметно, как протечка в трюме: сначала капля, потом всё больше и больше. Каждый её взгляд, даже холодный, каждое резкое слово, каждое мимолётное появление на палубе — всё это оседало в нём глубже, чем он готов был признать. Он ловил себя на том, что ищет её глазами, что прислушивается к шагам, что думает о ней, засыпая и просыпаясь.

И было в этом чувстве что-то мучительное, потому что Айла была не просто недоступна — она была с другой судьбы. Дочь капитана, наследница корабля. А он — беглец без прошлого и без гроша. Ничего между ними быть не могло. И оставаться рядом, зная это, было невыносимо.

Когда корабль бросил якорь у небольшого скалистого острова, где высился старый мрачный маяк, Марк принял решение. Он подошёл к капитану.

— Я хочу остаться здесь.

Капитан поднял бровь.

— Здесь? На этом камне? Ты в своём уме?

— Возможно. Но я так решил.

Старик долго смотрел на него, потом покачал головой.

— Ну что ж. Каждый выбирает свой берег. Забирай свои вещи. И передай смотрителю, что я пришлю провизию с попутным судном.

Марк кивнул, чувствуя, как сердце сжимается. Айла стояла на корме, у перил, и смотрела на него. Впервые за всё время её лицо было не холодным, а каким-то... удивлённым. Наверное, она не понимала, зачем человек добровольно остаётся на голом камне посреди холодного моря.

Он не стал объяснять. Лишь на мгновение задержал на ней взгляд, а потом спустился в шлюпку.

Волны несли его к маяку. За спиной уходила в дождь «Гнилая Вдова». А он сидел в лодке и смотрел вперёд, на чёрную скалу, на которой стоял старый страж берега. И не знал ещё, что именно здесь, вдали от всех, его настоящая история только начиналась.

Через час он стоял у подножия маяка. Дождь снова начался. А на пороге домика смотрителя уже стоял человек с керосиновой лампой в руке — старик с бельмом на глазу и лицом, изрезанным временем, как карта неведомых земель.

— Ты кого-то ищешь, парень? — спросил он хрипло.

— Нет. Я остаюсь, — ответил Марк.

Старик усмехнулся.

— Ну, тогда заходи. Ночь длинная.

Дверь за Марком закрылась с глухим стуком, отрезав шум дождя и вой ветра. Внутри пахло солью, керосином и чем-то сладковатым — так пахнет старое дерево, когда его долго греет огонь.

Смотритель поставил лампу на стол и, не оборачиваясь, бросил:

— Садись. Меня зовут Илай. Хотя здесь, на камне, имя не имеет большого значения.

Марк опустился на грубую скамью. Комната была маленькой, но удивительно уютной. В очаге догорал огонь. На полках, вырезанных прямо в камне, стояли склянки, банки, свёрнутые карты и старые книги с растрескавшимися корешками. На стене висела выцветшая картина — маяк в закатном свете. Возможно, тот самый.

— Есть хочешь? — спросил Илай, доставая из ящика полбуханки хлеба и кусок вяленого мяса.

— Не откажусь.

Старик поставил перед ним тарелку, налил в кружку холодной воды из кувшина и сел напротив. Свет лампы дрожал на его лице, и бельмо на глазу от этого казалось живым, будто внутри зрачка шевелилось что-то мутное.

— Значит, сам выбрал этот камень? — спросил он не то с любопытством, не то с подозрением.

— Сам.

— Хм. Люди сюда обычно приходят от чего-то. Реже — к чему-то. Ты, видать, из первых.

Марк не ответил. Жевал хлеб, слушал, как за окном вновь набирает силу дождь.

— Ничего, — продолжил Илай, поднимаясь, — у меня тут каждые руки пригодятся. Будешь помогать с огнём, следить за маслом, поднимать грузы по лестнице. Тут не разгуляешься.

Он дал Марку одеяло, показал место у очага — узкую лежанку, устланную старой овчиной, — и ушёл наверх, зажигать свет.

Марк долго не мог уснуть. Дождь стучал по крыше, огонь трещал в очаге, а за стеной, где-то внизу, море с шумом билось о скалы. Он лежал и думал, что впервые за много дней остался наедине с собой. И это было одновременно и страшно, и хорошо.

Прошло три дня. Марк быстро втянулся в жизнь на маяке. Работа была простая, но монотонная: утром — набрать воды из колодца, выдолбленного в камне, затем — проверить фонарь,

почистить стёкла, наколоть дров. Илай оказался неразговорчив, но не зол. Командовал тихо, редко повторял дважды.

На четвёртый день, когда дождь ненадолго стих, Илай взял его с собой наверх — к самой лампе. Они поднялись по винтовой лестнице, такой узкой, что плечи цепляли стены. Наверху было холодно, но очень светло. Огромная линза горела, как пойманное солнце, и кружилась медленно, разбрасывая по серым облакам широкий столп света.

— Это сердце маяка, — тихо сказал Илай. — Пока оно бьётся, моряки знают, что земля близко. Если оно замолчит — корабли пойдут на скалы. Поэтому здесь нет выходных и нет слабости.

Марк смотрел на этот живой, дышащий свет и чувствовал, как внутри что-то переворачивается. Он убежал от людей, но вдруг понял, что теперь отвечает за тех, кого даже не видит. За тех, кто там, за штормом.

— А что за остров? — спросил он. — Почему маяк стоит так далеко от порта?

— Это не просто остров, — ответил Илай, глядя в темноту. — Это Айрон-Рок. Старое место. Люди говорят, под маяком есть пещеры, в которых море шепчет на языке, забытом задолго до нас.

Марк усмехнулся.

— Красивые сказки.

Илай повернулся к нему, и в единственном здоровом глазу блеснул огонь лампы.

— Иногда сказки — единственное, что не даёт человеку сойти с ума. Особенно здесь.

И он ушёл вниз, оставив Марка одного наедине с ветром и светом.

А ночью, когда Марк уже почти уснул, ему показалось, что из-под пола, из самой глубины камня, доносится мерное, низкое гудение. Будто море и впрямь что-то шептало.

Прошло ещё несколько дней. Они сливались друг с другом, как дождь с морем, — одинаково серые, тихие, пропитанные солью. Марк всё больше привыкал к одиночеству и к маяку. Ему уже не нужно было напоминать, когда подливать масло, когда чистить линзу, когда проверять, не задувает ли ветер в щели фонаря. Илай всё чаще оставлял его одного.

И вот однажды ночью, когда старик спал, Марк сам поднялся наверх — к сердцу маяка.

Внутри фонаря было тепло и светло. Огромная линза медленно вращалась, наполняя воздух мягким, ритмичным гулом. Свет уходил в темноту широким лучом, и в нём плясали капли дождя, словно мотыльки над огнём. Марк сел на старый деревянный табурет у окна и стал смотреть вдаль.

Море было чёрным, как чернила. Никакой разницы между небом и водой — сплошная, зыбкая тьма. И только луч маяка, живой и уверенный, резал её, как нож.

Он смотрел, как свет ложится на волны, и вдруг — на самой грани видимого, далеко, почти за пределами человеческого зрения, — заметил движение. Прищурился. Да, там был корабль.

Судно шло без огней, маленькое с такой высоты, словно игрушка, вырезанная из чёрного дерева. Оно то вздымалось на волне, то проваливалось вниз, и Марк не мог отвести глаз. Что-то дрогнуло у него внутри.

«Вот он там, — подумал он. — Идёт сквозь ночь. Сквозь холод, дождь и страх. И смотрит на мой свет».

Он вдруг понял, что этот луч — не просто огонь. Это нить, протянутая от него, одинокого человека на камне, к тем, кто ещё не спит, кто держит штурвал мокрыми от дождя руками, кто молится, чтобы не напороться на скалы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.